

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-3-522-537

EDN: XZJVNV

Научная статья / Research article

Энергетическая дипломатия и формирование «экономики сопротивления» в Иране

В.И. Белов¹, С.В. Пичугин², Д.М. Ранджбар¹¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация²Компания «ОЗГЕО», Москва, Российская Федерация randzhbar_meshkin_d@pfur.ru

Аннотация. Мировой энергетический рынок переживает глубокую реструктуризацию в связи с изменением динамики экспортных и импортных потоков энергоресурсов, обусловленным развитием глобального спроса, технологическим прогрессом в производстве и значительными геополитическими изменениями. Находящийся в геополитическом нестабильном Ближневосточном регионе и строящий «экономику сопротивления» Иран, один из мировых лидеров по запасам, добыче и экспорту нефти, прилагает усилия, направленные на формирование эффективной внешней политики, призванной обеспечить геополитические и экономические интересы страны в контексте новых международных реалий. Стержнем этой политики должна стать энергетическая дипломатия. Цель исследования — выявить особенности формирования энергетической дипломатии как важного инструмента обеспечения построения «экономики сопротивления» в Иране. Показано, что энергетическая дипломатия Исламской Республики Иран складывается, прежде всего, с опорой на нефтегазовый сектор иранской экономики, что заметно актуализирует задачу изучения особенностей планирования ее развития. Методологически статья выполнена в рамках комплексного подхода к исследованию многоаспектного процесса развития нефтегазовой отрасли как одного из оснований иранской «экономики сопротивления» и формирующейся энергетической дипломатии. В центре внимания авторов — стратегическое видение руководством Ирана приоритетных задач развития нефтегазового сектора экономики в контексте достижения заявленных целей развития страны. Кроме того, проанализированы данные о производстве, экспорте и инвестициях в нефтегазовый сектор, продемонстрирована его значимость для формирования целостной стратегии экономического развития Ирана в условиях санкционного давления. Как показано в исследовании, становление энергетической дипломатии происходит в контексте усилий иранского правительства по усилению регионального лидерства Ирана. Подчеркнута нацеленность энергетической дипломатии Исламской Республики Иран на формирование новых международных партнерств и достижение глобальных инновационных энергетических решений, в том числе и с участием Российской Федерации.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран, Россия, стратегия диверсификации, целостная внешняя политика, геополитические и отраслевые интересы, нефтегазовый сектор экономики, стратегическое видение развития, международные партнерства

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Белов В.И.: концептуализация, разработка методологии исследования, работа с источниками по энергетической дипломатии, написание — редактирование рукописи, аннотация. Пичугин С.В.: геология вопроса, написание — подготовка черновика рукописи. Ранджбар Д.М.: работа с источниками, исследование и написание черновика рукописи. Все авторы ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

© Белов В.И., Пичугин С.В., Ранджбар Д.М., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Благодарности. Исследование подготовлено в рамках Проекта № 102502-2-000 Системы грантовой поддержки научных проектов Российского университета дружбы народов (РУДН).

Для цитирования: Белов В. И., Пичугин С. В., Ранджбар Д. М. Энергетическая дипломатия и формирование «экономики сопротивления» в Иране // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 3. С. 522–537. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-522-537>

Energy Diplomacy and the Formation of a “Resistance Economy” in Iran

Vladimir I. Belov¹ , Sergey V. Pichugin² , Daniyal M. Ranjbar

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²OZGEO Company, Moscow, Russian Federation

✉ randzhbar_meshkin_d@pfur.ru

Abstract. The global energy market is undergoing profound restructuring due to changes in the dynamics of energy resource export and import flows, driven by evolving global demand, technological advancements in production, and significant geopolitical shifts. Iran, located in the geopolitically unstable Middle East and pursuing the development of a “resistance economy,” ranks among the world’s leaders in terms of oil reserves, production, and exports. In response to new international realities, the country is striving to develop an effective foreign policy aimed at safeguarding its geopolitical and economic interests. Central to this policy should be energy diplomacy. The present study aims to identify the characteristics of energy diplomacy as a key instrument in supporting the construction of a “resistance economy” in Iran. This study demonstrates that the energy diplomacy of the Islamic Republic of Iran primarily relies on its oil and gas sectors of its economy, highlighting the importance of examining the specifics of its development planning. Methodologically, the article adopts a comprehensive approach to analyzing the multifaceted process of oil and gas industry development, which constitutes one of the pillars of Iran’s “resistance economy” and its emerging energy diplomacy. The authors focus on the strategic vision of Iran’s leadership regarding priority tasks for the development of the oil and gas sector within the broader context of achieving the country’s declared development goals. Additionally, data on production, exports, and investments in the oil and gas sector are analyzed to highlight its significance in shaping a coherent strategy for Iran’s economic development under conditions of sanction pressure. The research reveals that the formation of energy diplomacy takes place within the context of the Iranian government’s efforts to strengthen the country’s regional leadership. The article emphasizes Iran’s commitment to developing new international partnerships and achieving innovative global energy solutions, including through cooperation with the Russian Federation.

Key words: Islamic Republic of Iran, Russia, diversification strategy, integrated foreign policy, geopolitical and sectoral interests, oil and gas sector of the economy, strategic vision for development, international partnerships

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors’ contributions. V.I. Belov: conceptualization, development of research methodology, work with sources on energy diplomacy, writing and editing the manuscript, annotation. S.V. Pichugin: geology of the issue, writing and preparing a draft of the manuscript. D.M. Ranjbar: work with sources, research and writing a draft of the manuscript. All authors have read and approved the final version of the article.

Acknowledgements. This study has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project No. 102502-2-000.

For citation: Belov, V. I., Pichugin, S. V., Ranjbar, D. M. (2025). Energy diplomacy and the formation of a “resistance economy” in Iran. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(3), 522–537. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-522-537>

Введение

Исторически Иран был одним из ключевых мировых производителей нефти, однако индивидуальные, региональные и

международные санкции, введенные против Ирана, оказали значительное влияние на его экономическое развитие (Ghanbarloo, 2022). Тем не менее Исламская Республика Иран

(ИРИ) продолжала осуществлять активные шаги по диверсификации своей экономики и укреплению энергетической независимости.

В историческом контексте, после Исламской революции 1979 г., Иран стремился сохранить свой суверенитет и целостность, следуя «доктрине сопротивления» аятоллы Р.М. Хомейни. Важно отметить, что внешней политикой Ирана руководит Верховный лидер (Рахбар) Исламской Республики, который подчеркивает значимость приверженности ценностям и принципам Исламской революции, а также активного сопротивления внешнему господству (Mehdipour, 2020). В условиях односторонних санкций США в отношении энергетического сектора Ирана (Belov & Ranjbar, 2023) важной вехой стало принятие в 2005 г. стратегического документа «Видение Исламской Республики на горизонте 2025 года», который ознаменовал собой намерение Ирана стать региональной державой (Полищук, 2007).

В 2013 г. в ИРИ был взят курс на построение «экономики сопротивления», нацеленной на максимальное раскрытие потенциала внутренних резервов роста реального сектора экономики¹. Фактически речь шла об опоре на внутренний рынок, где локомотивами роста должны были выступать отрасли по глубокой переработке углеводородов и другого природного сырья с ориентацией на экспорт и наукоемкие сектора промышленности (Юртаев, 2017, с. 222–223).

В этом контексте происходило становление энергетической дипломатии в Иране с опорой на нефтегазовый сектор иранской экономики, развитие которого рассматривалось как ключевой элемент устойчивого энергетического и экономического роста страны. Также важным аспектом энергетической дипломатии Ирана является ее нацеленность на создание международных партнерств в этой

сфере, особенно с незападными странами, такими как Россия (Islami, 2012, p. 191). Вместе с тем энергетическая дипломатия в Иране не есть завершенное и цельное направление иранской внешней политики. В 2020-е гг. руководство ИРИ начало рассматривать энергетическую дипломатию в контексте приоритетов формирования региональной политики Ирана, что поставило задачу совмещения отраслевых и геополитических интересов страны.

Методология исследования включает в качестве основного комплексный подход, учитывая разнообразие и многофакторный характер изучаемых сюжетов, а также необходимость анализа текущего состояния и перспектив развития нефтегазового сектора как одного из оснований построения «экономики сопротивления» и формирующейся энергетической дипломатии Ирана. В рамках проблемно-хронологического подхода и метода сравнительного анализа в исследовании на основе изучения данных о производстве, экспорте и инвестициях выявлена взаимосвязанность международных санкций и политических решений, что оказывает определяющее влияние на развитие нефтегазового сектора экономики Ирана и формирование энергетической дипломатии ИРИ.

Определение понятия «энергетическая дипломатия» в научной литературе пока не устоялось. Российские ученые предложили понимать под энергетической дипломатией практическую деятельность внешнеполитических, внешнеэкономических и энергетических ведомств совместно с национальными компаниями по осуществлению внешней энергетической политики, направленной на защиту и отстаивание национальных интересов в области производства, транспортировки и потребления энергоресурсов². В трактовке

¹ Matne kamele sohanone Hassan Rouhani dar goftogoe vije habary shabkee do cima. 1392, 7 hordad [Рухани Х. Выступления. Полный текст] // IRIB News Agency. May 28, 2014. (На персидском языке). URL: <https://web.archive.org/web/20130805120122/http://www.iribnews.ir/NewsText.aspx?ID=1956802> (accessed: 04.07.2025).

² В этом случае энергетическая дипломатия признается в качестве функционального направления дипломатии, связанного с обеспечением энергетической безопасности. К сфере энергетической дипломатии отнесены проблемы международного транзита, урегулирования территориальных споров между странами по поводу смежных районов, богатых энергетическими ресурсами, разграничения прав на морские месторож-

иранских ученых «энергетическая дипломатия — это практическая деятельность внешнеполитических, внешнеэкономических и энергетических ведомств, в ряде случаев совместно с компаниями, по осуществлению внешней политики страны в области энергетики». Энергетическая дипломатия призвана обеспечивать взаимодействие, направленное на долгосрочную перспективу и стратегическое расширение международного сотрудничества в энергетической сфере, выступая в качестве инструмента по поощрению и поддержке многосторонних инвестиций в области производства и торговли в рамках международного сотрудничества (Эбрахимторкман, 2024, с. 17).

В исследовании подчеркивается важнейшая роль энергетической дипломатии в формировании в Иране целостной стратегии экономического развития, в которой особое внимание уделяется аспекту налаживания международных партнерских отношений, что позволит вывести Иран на передовые позиции в области глобальных инновационных энергетических решений и будет способствовать экономическому росту и стабильности в Юго-Западной Азии.

Особое внимание уделено рассмотрению стратегических решений, направленных на повышение эффективности и устойчивости нефтегазового сектора, расширение возможностей для международного сотрудничества, снижение зависимости экономики Ирана от нефтяных доходов за счет увеличения добавленной стоимости и внедрения инновационных технологий. Как отмечено в исследовании, энергетическое сотрудничество Ирана с Россией может стать катализатором экономического роста и стабильности в регионе. В свою очередь, развитие стратегического диалога между Ираном и Россией в нефтегазовой сфере знаменует собой заметный сдвиг

дения, занимается проблемами инвестиций и развития крупных энергетических проектов и др. См.: Кривошапка И. Энергетическая дипломатия: важнейший инструмент политики или новые технологии мирового господства? // *Энергетика и промышленность России*. 2016 (май). № 08 (293). URL: <https://www.eprussia.ru/epr/293/3973053.htm> (дата обращения: 04.07.2025).

в сторону создания многополярного энергетического мира. Этот переход способен изменить конфигурацию глобальных альянсов и энергетической политики, тем самым оказывая влияние на глобальную энергетическую безопасность и геополитику в долгосрочной перспективе.

Международное позиционирование и стратегия развития Ирана

Ключевые стратегические вызовы ИРИ сосредоточены вокруг вопроса о ее сохранении «как суверенного и целостного исламского государства, одного из естественных лидеров возможной исламской интеграции» (Лунев, Юртаев, 2022, с. 184). Прошло 18 лет с момента принятия в 2005 г. важнейшего перспективного стратегического документа в истории ИРИ — «Видения Исламской Республики на горизонте 2025 года»³. Принятие столь важного и амбициозного по масштабу поставленных задач стратегического плана в качестве главной цели преследовало превращение Ирана в мощную региональную державу с претензиями на роль лидера мира ислама (Юртаев, 2009). В соответствии с этой целью к 2025 г. Иран должен был войти в число развитых государств мира, став первым номером в списке государств Юго-Западной Азии по экономической, научной и технологической мощи⁴. Одновременно иранские стратеги подтвердили свою приверженность сохранению исламского строя в стране на принципах победившей в Иране в 1979 г.

³ Matn sand nahaayi cheshm andaaz 20 saaleh jomhoori eslaami iraan [Окончательный текст документа «20-летняя перспектива развития Исламской Республики Иран»] // Isfahan University of Technology. (На персидском языке). URL: <https://fav.iut.ac.ir/sites/fav/files/Files/SanadeCheshmandaz20Sale.pdf> (accessed: 04.07.2025). Более детально планирование осуществлялось на 5-летние периоды (2006–2010, 2011–2015, 2016–2020, 2021–2025 гг.). См.: (Razavi & Pirani, 2022, pp. 174–176).

⁴ Cheshm andaaze jomhuri eslami iran dar ofogh 1404 hejri shamsi [Видение Исламской Республики Иран на горизонте 2025 г.] // Meybod University. (На персидском языке). URL: https://meybod.ac.ir/userfiles/academic_research/files/academic_research_32.pdf (accessed: 05.06.2025).

Исламской революции, нацеленной на формирование мировой Уммы (*Rax Umma Islami-ca*). На современном, втором этапе исламской революции, который продолжается с 2019 г., одним из высших приоритетов Ирана является продвижение паншиитского проекта *Rax Umma Islami-ca* в Юго-Западной Азии (Лунев, Юртаев, 2022, с. 177; Мостаджеран, Габдуллин, Рожено, 2023, с. 230–231).

Следует отметить, что реальное воплощение в жизнь поставленных целей оказалось трудновыполнимой задачей. Уже в ходе первой пятилетки иранскому правительству не удалось достичь каких-либо прорывов, что во многом было связано с общемировым кризисом и последовавшей финансово-экономической рецессией. Серьезное сдерживающее влияние оказывала, безусловно, санкционная политика западных стран, в особенности — односторонние санкции США, Евросоюза и Японии (Sadeghi, Firoozabadi Dehghani & Ajili, 2018, p. 95). Так, например, только из-за воздействия американских санкций с 2018 по 2021 г. ИРИ потеряла 1 трлн долл. США, в том числе 100 млрд долл. США — от нефтяной блокады⁵. В результате Иран, одно из ключевых государств Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК), столкнулся с тем, что его энергетическая промышленность испытывала недостаток инвестиций из-за все новых пакетов антииранских санкций, в то время как экспорт иранской сырой нефти был ограничен политикой максимального давления на Иран со стороны США при президенте Д. Трампе (Мамедова, 2023; Karimipour, 2021). В условиях нарастающего санкционного давления 5 сентября 2013 г. рахбар ИРИ аятолла Али Хаменеи призвал правительство к построению «экономики сопротивления», чтобы отреагировать на санкционное и внешнеполитическое давление⁶.

⁵ Smith G. Iran Oil Exports Creep Up as Trump's Maximum Pressure Fades // Bloomberg. January 25, 2021. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-01-25/iran-oil-exports-creep-higher-as-trump-s-maximum-pressure-fades> (accessed: 15.06.2025).

⁶ Farhange eghtesade moghavemati dar bayanat rahbare moazzame enghelabe eslami [Культура экономики сопротивления в речах Верховного лидера Исламской

Стратегия развития нефтяного сектора Ирана и позиция А. Хаменеи

В серии своих выступлений в 2013–2016 гг. рахбар ИРИ А. Хаменеи сформулировал детальный подход к развитию нефтяной промышленности страны, подчеркнув необходимость соблюдения принципов экономической диверсификации и устойчивости. Этот подход свидетельствовал о стратегической трансформации взглядов высшего руководства Ирана на развитие нефтяного потенциала страны. 5 сентября 2013 г. в своей речи А. Хаменеи заявлял о неприемлемости уязвимости иранской экономики из-за ее сильной зависимости от нефти и возрастающих вследствие внешнего санкционного давления экономических трудностях (Naserpoor & Fazlolahtabar, 2021, p. 68).

18 февраля 2014 г. были официально обнародованы «Основы политики экономики сопротивления», в рамках которой ставились задачи наращивания стратегических запасов нефти и газа (п. 14) и повышения добавленной стоимости за счет завершения цепочки создания стоимости в нефтегазовой отрасли (п. 15)⁷. 20 февраля 2014 г. А. Хаменеи указал на критическую проблему нефтяной зависимости как седьмой основной фактор при выстраивании «экономики сопротивления» в Иране⁸. 14 июня 2016 г. он отметил значимость высокого уровня добычи и экспорта нефти для экономики и подчеркнул необходимость преобразования нефти и газа в более ценные сырьевые товары. «Экономику нефти и рантье требуется изменить на экономику производительную и народную», — подчеркнул рахбар ИРИ на встрече с правительством 26 августа 2017 г.⁹

революции] // Khamenei.ir. 2014. (На персидском языке). URL: <https://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=25365> (accessed: 04.07.2025).

⁷ Ibid.

⁸ Leader's Speech on the Economy of Resistance in Meeting with Officials and Business Community // Khamenei.ir. March 11, 2014. URL: <https://english.khamenei.ir/news/1882/Leader-s-Speech-on-the-Economy-of-Resistance-in-Meeting-with> (accessed: 04.07.2025).

⁹ Economic Orientation of Iran Must Divert from an Oil Economy: Ayatollah Khamenei // Khamenei.ir.

В Национальном стратегическом энергетическом документе (принят 22 июня 2017 г.) была впервые определена стратегия действий ИРИ в нефтегазовом секторе, которая была направлена на оптимизацию операций и повышение общей эффективности в нефтегазовом секторе путем сосредоточения внимания на модернизации инфраструктуры и передовых технологиях. Подчеркивалось, что все установки Стратегии соотнесены с международными стандартами и указаниями рахбара ИРИ. Отмечалась также экологическая направленность документа, закреплявшего приоритетность устойчивого развития с тем, чтобы Иран, минимизируя воздействие на окружающую среду, внес свой вклад в глобальные усилия по достижению «более зеленого энергетического будущего». Особо подчеркивалась важность формирования международных партнерств и привлечения иностранных инвестиций не только для развития национальной экономики, но и для диверсификации и усиления роли Ирана на мировом энергетическом рынке. Этот комплексный подход, как ожидалось, должен был обеспечить устойчивость и долговременную конкурентоспособность нефтегазового сектора ИРИ¹⁰. Разработанный в Иране новый подход к нефтяным ресурсам означал не только осознание ограниченности нефтяных ресурсов, но и в более широком смысле — понимание неизбежности глобального сдвига к устойчивой энергетике.

В 2019 г. зависимость экономики Ирана от нефти была признана А. Хаменеи одним из ее самых «важных недостатков». Об этом он заявил 11 февраля 2019 г., выступая с речью по случаю 40-летия ИРИ. В этом ставшем известным под названием «Второй шаг» программном обращении к иранскому народу

August 26, 2017. URL: <https://english.khamenei.ir/news/5082/Economic-orientation-of-Iran-must-divert-from-an-oil-economy> (accessed: 04.06.2025).

¹⁰ Sanade melli rahbord energy keshvar mosavabe 4/22/2016 heyatte vaziran [Документ Национальной энергетической стратегии страны, утвержденный 4/22/2016 Кабинетом министров, 1-е издание]. 2017. (На персидском языке). URL: https://drive.google.com/file/d/1_sKI0SIjPLNLHj_320rCLUrKErWeQqe/view?usp=sharing (accessed: 06.06.2025).

А. Хаменеи отметил, что завершился этап, начатый в 1979 г., и Исламская революция вошла в свой второй этап — «саморазвития, формирования социума и цивилизационного строительства» — на пути «к великой цели, которая состоит в создании новой исламской цивилизации»¹¹. Опираясь на стратегическое видение, сформулированное в выступлениях рахбара ИРИ, была разработана программа действий, включающая ряд целенаправленных инициатив по расширению позиций Ирана на мировом энергетическом рынке (энергетическая дипломатия) с опорой на его региональные преимущества (геополитика) при внимании к обеспечению внутренних потребностей (экономика) (Ashrafi & Rouhani, 2021, p. 137).

В целом разработанная в Иране энергетическая политика, к реализации которой в нефтегазовом секторе призвал рахбар ИРИ, предполагает:

- расширение разведки нефти и газа и полное знание ресурсов страны;

- увеличение мощностей по добыче нефти пропорционально существующим запасам и растущей экономической мощи, безопасности и политической мощи страны;

- увеличение мощностей добычи газа пропорционально запасам страны для обеспечения внутреннего потребления и максимального замещения нефтепродуктов;

- расширение фундаментальных и опытно-конструкторских исследований и подготовки рабочей силы, а также усилия по созданию центра для импорта и экспорта энергетических технических знаний и услуг на международном уровне и продвижения технологий в сфере ресурсов, нефти, газа и нефтехимической отрасли;

- реализацию усилий для привлечения необходимых финансовых ресурсов (внутренних и иностранных) в сфере добычи нефти и газа в разрешенных законом отраслях;

¹¹ Bayaniye jame dovome enghelab khatab be melate iran [Заявление Второй шаг революции, обращенное к народу Ирана] // Khamenei.ir. February 11, 2019. (На персидском языке). URL: <https://farsi.khamenei.ir/message-content?id=41673> (accessed: 06.06.2025).

- использование регионального и географического положения страны для покупки, продажи, переработки, обмена и транспортировки региональной нефти и газа на внутренние и мировые рынки;

- оптимизацию потребления и снижение энергоемкости;

- замещение доходов от экспорта нефти и газа доходами от экспорта нефтехимической продукции¹².

В 2021 г. был сформирован Стратегический подход иранского правительства к нефтяному сектору, изложенный в отчете за 2022 г. о деятельности 13-го правительства в части Министерства нефти. Этот перспективный документ выдвигает на первый план следующие важнейшие области долгосрочного планирования и фиксирует текущие достижения Ирана.

1. *Стратегическое развитие и повышение эффективности нефтяного сектора*: усилена роль правительства в стратегическом планировании и развитии нефтяного сектора на основе комплексного подхода к его модернизации и адаптации к мировым энергетическим тенденциям, что придает ему большую организационную эффективность и результативность.

2. *Значительный финансовый вклад в бюджет и показатели экспорта*: 1400-й (2021/2022) финансовый год ознаменовался выдающимися достижениями в финансовых показателях: вклад нефтехимического сектора в экспорт составил около 14,3 млрд долл. США. Это указывает на мощный экспортный потенциал и существенный вклад в удовлетворение потребностей страны в валюте (около 24 %).

3. *Диверсификация продукции и увеличение мощностей*: внедрение в производство 20 новых видов продукции и заметное внимание к увеличению номинальной мощности, а также ноу-хау по переработке метанола

в пропилен отражают стратегический шаг в сторону диверсификации. Это предполагает переход от традиционных нефтепродуктов к производным продуктам с более высокой добавленной стоимостью, что соответствует требованиям мирового рынка.

4. *Эффективное управление и мониторинг экспорта*: создание специальной группы мониторинга для управления экспортом нефтехимии и связанными с ним поступлениями в иностранной валюте подчеркнуло строгий подход к управлению экспортом. Это имеет решающее значение для перенаправления получаемых значительных доходов в национальную экономику.

5. *Инновационный финансовый менеджмент и использование бартерной системы*: умелое решение правительством финансовых вопросов, включая содействие погашению финансовых обязательств и внедрение бартерной системы для нефтехимической продукции, демонстрирует инновационные стратегии финансового управления в нефтяном секторе. Эти стратегии особенно важны для продуктов, не приносящих доход непосредственно в иностранной валюте¹³.

В отчете освещались также важные проекты и подчеркивалась приверженность правительства расширению нефтехимического производства за счет реализации таких проектов, как «Ибн Сина Петрокемикл» и «Арья Полимер Хомейн Полипропилен». Одновременно правительство сделало упор на диверсификацию нефтехимической продукции, как это видно на примере проекта *Arta Energy*, который ориентирован на производство, в том числе карбамидоформальдегида и меламиноформальдегида. Эта стратегия диверсификации направлена на расширение цепочки создания стоимости и удовлетворение разнообразных потребностей рынка как внутри страны, так и за ее пределами. Отмечены уси-

¹² Gozaresh-e amalkarde yek sale vezarate nafte dolate sizdahom [Годовой отчет о работе Министерства нефти 13-го правительства]. 2021. Р. 56. (На персидском языке). URL: https://drive.google.com/file/d/1nnTxQBPGN_Cv421wd_Q1YtMC8FL47VQA/view?usp=sharing (accessed: 01.07.2025).

¹³ Khabar dar neshaste shanghai: Iran baraye ijade yek koridore teranziti faragit jahate etesale azaye shanghai amadegi darad [Информатор на встрече в Шанхае: Иран готов создать всеохватывающий транзитный коридор для соединения участников Шанхая] // Tabnak. October 26, 2023. (На персидском языке). URL: <https://www.tabnak.ir/0052Mx> (accessed: 01.07.2025).

лия по улучшению логистической инфраструктуры, включая реконструкцию портов в Асалуе и Махшахре и создание новых доков под экспорт нефтехимической продукции. Отмеченные направления деятельности позволяют увидеть комплексность подхода к развитию и усилению международной конкурентоспособности нефтяного сектора, обеспечивающего значительный и устойчивый вклад в национальную экономику посредством диверсификации, наращивания потенциала, эффективного финансового управления, развития нефтехимической инфраструктуры и производственных мощностей¹⁴.

Представленный президентом ИРИ И. Раиси иранскому Меджлису (парламенту) проект бюджета на 1401 г. по иранскому календарю (март 2022 — март 2023) свидетельствует, что Тегеран не рассчитывает на позитивное решение проблемы Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД), связанной с возможностью его возобновления, и строит свои финансовые планы в основном на противодействии санкциям США. Проект бюджета базируется на цене на нефть в 60 долл. США за баррель. Для сравнения в 2021–2022 гг. бюджетный план был составлен из расчета цен на нефть в районе 40 долл. США за баррель. Согласно проектному документу, в 2023 г. ИРИ планировала продавать за рубеж порядка 1,5 млн барр./сутки, однако санкции со стороны США помешали иранским властям осуществить задуманное — объем поставок оказался менее 1 млн барр./сутки (Karimipoor, 2022, p. 43). Несмотря на сохраняющееся давление со стороны внешних ограничений, Тегеран продолжил прилагать усилия по диверсификации своих нефтяных рынков сбыта, усиливая связи с такими странами, как Китай, Индия и некоторые государства Африки и Латинской Америки.

¹⁴ Khabar dar neshaste shanghai: Iran baraye ijade yek koridore teranziti faragit jahate etesale azaye shanghai amadegi darad [Информатор на встрече в Шанхае: Иран готов создать всеохватывающий транзитный коридор для соединения участников Шанхая] // Tabnak. October 26, 2023. (На персидском языке). URL: <https://www.tabnak.ir/0052Mx> (accessed: 01.07.2025).

Однако, согласно программе Министерства нефти 14-го правительства, опубликованной 31 июля 2024 г. (10 мая 1403 г. по иранскому календарю), экспорт нефти Ирана на период до 30 июня 2024 г. (10 апреля 1403 г. по иранскому календарю) составил 1 547 000 баррелей в сутки¹⁵, что свидетельствует о достижении намеченных целевых показателей с некоторым опозданием. Этот результат указывает на постепенную стабилизацию экспорта иранской нефти, несмотря на сложную международную обстановку и устойчивость экономической стратегии страны в условиях санкционного давления.

Энергетическая дипломатия

Становление энергетической дипломатии как направления деятельности в рамках официальной дипломатии Исламской Республики Иран пришлось на конец 1990-х гг., однако полноценного каркаса для ее эффективного функционирования не было создано вплоть до 2020-х гг. (подробнее. см.: (Белов, 2024, с. 77–81; Puraahmady & Zulfiquari, 2010; Kipoor & Izadi, 2010)). Иранская энергетическая дипломатия направлена на достижение посредством международного взаимодействия двух целей — отраслевой и общеполитической (Hosseini Adeli, 2010, p. 59) и формируется в рамках взаимодействия Министерства иностранных дел (в части международного обеспечения внешнеэкономической деятельности, включая информационные и политические аспекты) с профильными иранскими компаниями, однако решающее слово остается за Министерством нефти ИРИ (Ajili & Askari Vajedi Roshan, 2014, p. 101). Фактически иранские МИД и Министерство нефти параллельно реализуют две логики целеполагания (исходя из функциональной ответственности) — обеспечения национальных (геополитических) и ценовых (экономических) интересов страны соответственно,

¹⁵ Barname vazarate nafte dolate chahardahom (1403–1407) [Программа министерства нефти 14-го правительства (2024–2028)]. 2024. Р. 5. (На персидском языке). URL: <https://media.shana.ir/d/2024/08/15/0/439488.pdf?ts=1723733927000> (accessed: 04.06.2025).

а позиция государства формируется в зависимости от баланса ведомственных потенциалов (Белов, 2024, с. 78).

В 1980–2010-е гг. Иран решал приоритетную задачу прорыва международной изоляции и преодоления санкционного давления, поэтому позиционирование страны на мировом энергетическом рынке рассматривалось иранским руководством сквозь призму геополитических интересов ИРИ и ее влияния в регионе Юго-Западной Азии и в мире в целом (Ghanbari, 2018). С 2020 г. отмечается стремление к достижению большей взаимосвязанности сфер внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности в рамках целостной стратегии действий по продвижению национальных интересов ИРИ в мире (Razavi, 2022, р. 228). Возможным путем повышения эффективности энергетической дипломатии является создание межведомственной комиссии по вопросам энергетической дипломатии с участием МИД, Министерства нефти, Министерства экономики и финансов, а также Министерства промышленности, рудников и торговли ИРИ (Баскаков, Крылов, 2023).

Среди отраслевых целей значимым признается создание условий для становления ИРИ в качестве лидера глобальных инновационных энергетических решений: обеспечение нового баланса между традиционным экспортом нефти и инновационными энергетическими решениями, привлечение технологических инвестиций и обеспечение сдвига в профиле экспорта энергии. Иран нацелен на формирование сбалансированного энергетического рынка в Юго-Западной Азии и в сопряженных регионах, что в ситуации глобальной неопределенности делает Иран значимым элементом формируемой новой системы глобальной энергетической безопасности¹⁶. В этой логике энергетическая

дипломатия может «выйти из тени» и стать общенациональной стратегией действий, но пока данный процесс остается латентным, что во многом связано с нерешенностью проблемы межведомственной разобщенности и сложных переплетений связей и интересов вовлеченных в энергетическую дипломатию структур (Kiroog & Izadi, 2010, р. 151).

В контексте развития энергетической дипломатии следует отметить инициативу Ирана по созданию регионального хаба «Шанхайская энергетика» (2023) в целях торговли, обмена энергией и обеспечения энергетической безопасности, включая ископаемое топливо, электро- и возобновляемую энергию, и проект фонда для совместного финансирования нефтехимических проектов. Также Иран выразил свою готовность стать центром по оказанию инженерно-технических услуг и производства оборудования для нефтяной, газовой и нефтехимической сферы¹⁷.

В 2013 г. иранские эксперты рассматривали различные сценарии добычи и потребления нефти в стране. Например, в оптимистическом сценарии, предложенном Исследовательским центром Меджлиса ИРИ, предполагались ежегодные инвестиции в размере 4,5 млрд долл. США в разведку и разработку нефтяных месторождений, чтобы избежать снижения экспорта. Эксперты отметили, что лучший подход для Ирана — это развитие внутренней энергетической и ненефтяной экономики и увеличение экспорта нефти (Abbaszadeh et al., 2013). Добыча нефти в 2022 г. (последние имеющиеся данные) выросла до 3,82 млн барр./сутки, что обеспечило по результатам года добычу в объеме 176,5 млн т¹⁸. Однако в последующие годы Иран столкнулся с рядом вызовов, связанных как с внешними санкционными ограничениями, так и с необходимостью модернизации нефтедобывающей инфраструктуры. Реальность такова, что иранские нефтеперерабатывающие заводы все еще неспособны

¹⁶ Pirzade A. Iran va diplomasi enerjhi [Иран и энергетическая дипломатия] // Iranian Diplomacy. October 15, 2024. (На персидском языке). URL: <http://www.irdiplomacy.ir/fa/news/2028783/%D8%A7%D8%B8%D8%B1%D8%A7%D9%86-%D9%88-%D8%AF%DB%8C%D9%BE%D9%84%D9%85%D8%A7%D8%B3%DB%8C-%D8%A7%D9%86%D8%B1%DA%98%D8%B8C> (accessed: 14.06.2024).

¹⁷ Нефтяной экспорт Ирана побил пятилетний рекорд // Neftegaz.RU. 06.07.2023. URL: <https://neftgaz.ru/news/Trading/786111-neftyanyoy-eksport-irana-pobil-pyatiletniy-rekord/> (дата обращения: 21.12.2023).

¹⁸ Там же.

удовлетворить внутренние потребности. Поэтому прежде, чем планировать оптимальное использование нефтепродуктов, необходимо достичь идеального уровня добычи нефти в Иране (Razavi, 2022, p. 231). В процессе оптимизации добычи нефти решающим фактором могут стать инвестиции. В 2011 г. предполагаемый объем необходимых инвестиций в нефтяную отрасль к горизонту 2025 г. оценивался в сумму более 500 млрд долл. США, 70 % которых (350 млрд долл. США) планировалось получить за счет иностранных инвестиций (Abbaszadeh et al., 2013, p. 621).

Нефтяной экспорт как основа экономики Ирана

Национальная иранская нефтяная компания (НИНК, NIOC) — государственный национальный производитель и дистрибьютор нефти и природного газа, находящийся в подчинении Министерства нефти и газа Ирана, была основана в 1948 г. НИНК занимает второе место в мире по величине нефтяной компании после государственной компании Саудовской Аравии *Saudi Aramco*. НИНК несет исключительную ответственность за разведку, бурение, добычу, распределение и экспорт сырой нефти, а также разведку, добычу и продажу природного газа и сжиженного природного газа (СПГ) (Saeedi, 2020, p. 9). Компания экспортирует излишки продукции в соответствии с коммерческими соображениями, установленными ОПЕК, и по ценам, преобладающим на международных рынках. С целью развития инвестиций в нефтегазовую отрасль Ирана НИНК создает совместные предприятия с ведущими нефтегазовыми корпорациями мира: *Shell*, *Total*, *Eni*, *PETRONAS*, Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (*China National Petroleum Corporation*, CNPC)¹⁹.

Иран является одним из основателей ОПЕК и ключевым игроком на мировом

нефтяном рынке. Рост добычи нефти в Иране не ограничен квотами ОПЕК, и в ноябре 2023 г. добыча достигла 3,1 млн барр./сутки²⁰. Как уже отмечалось, в настоящее время Исламская Республика Иран находится под санкциями США, и это обстоятельство обуславливает отсутствие квоты для Ирана. Несмотря на ограничения, Иран продолжает направлять бюджетные средства в нефтяной сектор — как в проекты по разработке месторождений, так и в нефтехимическую промышленность, и таким образом Иран наряду с другими членами ОПЕК продолжает обеспечивать стабильные и надежные поставки нефти потребителям по всему миру (Hafner, Raimondi & Bonometti, 2023, p. 71). С мая по ноябрь 2023 г. Иран нарастил добычу нефти на 421 тыс. барр./сутки²¹, что свидетельствовало о последовательных усилиях страны по восстановлению и развитию нефтедобывающего сектора в условиях сохраняющихся внешних ограничений.

Следует отметить, что 30 июня 2024 г. (10 апреля 1403 г. по иранскому календарю), согласно отчету Министерства нефти правительства М. Пезешкиана, добыча нефти составляла 3,4 млн барр./сутки²², что может рассматриваться как признак относительной стабильности отрасли и постепенного восстановления уровня добычи после периода спада, связанного с политической и экономической неопределенностью. Этот показатель также свидетельствовал о том, что страна продолжила движение в направлении реализации своих нефтегазовых целей, несмотря на сохраняющиеся внешние вызовы.

²⁰ Экспорт нефти из Ирана // Tadviser. 2023. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Экспорт_нефти_из_Ирана?ysclid=lq25lxvbmmb426253617 (дата обращения: 21.12.2023).

²¹ ОПЕК 4-й месяц подряд не меняет прогноз по росту спроса на нефть в мире в 2023 г. // Neftegaz.RU. 14.06.2023. URL: <https://neftegaz.ru/news/finance/783314-opek-4-y-mesyats-podryad-ne-menyayet-prognoz-po-rostu-sprosa-na-neft-v-mire-v-2023-g/> (дата обращения: 04.06.2025).

²² Barname vazarate nafte dolate chahardahom (1403–1407) [Программа министерства нефти 14-го правительства (2024–2028)]. 2024. P. 5. (На персидском языке). URL: <https://media.shana.ir/d/2024/08/15/0/439488.pdf?ts=1723733927000> (accessed: 04.06.2025).

¹⁹ Szczesniak P. A. The Mineral Industry of Iran // 2019 Minerals Yearbook : Iran [Advance Release]. U.S. Department of the Interior U.S. Geological Survey. July 2023. URL: <https://pubs.usgs.gov/myb/vol3/2019/myb3-2019-iran.pdf> (accessed: 21.12.2023).

Статистика добычи по годам (в 2012–2022 гг.) изменялась в диапазоне от 144,4 млн т в 2020 г. (минимальное значение) до 231,9 млн т в 2017 г. (максимальное значение), основными причинами спада добычи в этот период выступали пандемия коронавируса и санкции²³.

Нефтяной экспорт из Ирана в мае-июне 2023 г. достиг 1,6 млн барр./сутки, что более чем вдвое превышает уровень этого же периода 2022 г. Максимально экспорт вырос в августе до 1,8 млн барр./сутки. Минимальные объемы наблюдались в феврале-марте 2023 г. и составляли по 1,3 млн барр./сутки²⁴. Однако статистика показывает, что даже при наличии в 2024 г. внутренних трудностей, включая трагическую аварию, в которой погиб президент Э. Раиси, а также продолжающегося внешнего давления и санкций, нефтяной экспорт Ирана на период до 30 июня 2024 г. (10 апреля 1403 г. по иранскому календарю) составил 1 547 000 баррелей в сутки²⁵. Это свидетельствует о том, что страна сохраняет устойчивость своего нефтяного сектора, демонстрируя способность к восстановлению и развитию даже в условиях политической нестабильности и усиленного международного противодействия.

К концу 2023 г. потоки иранской нефти сократились. Основным импортером стал Китай. В мае 2023 г. Пекин напрямую импортировал 359 тыс. барр./сутки иранской нефти, что практически на 100 тыс. барр. больше, чем в мае 2022 г. Однако информированные источники в отрасли отмечают, что фактические объемы экспорта нефти из Ирана в Китай намного выше, поскольку официальная статистика не учитывает транзит нефти через другие азиатские и ближневосточные

страны²⁶. Китай, Индия, Сирия и Венесуэла не соблюдают санкции США в отношении нефтяной отрасли Ирана, к ним также могут присоединиться ряд стран Латинской Америки и Африки. Иран в состоянии быстро нарастить экспорт нефти и конденсата до 3 млн барр./сутки, однако для увеличения объемов импорта пока не существует производственных возможностей²⁷.

Около 40 % дохода Ирана зависит от нефти. В некоторые годы доля дохода составляла 50 %. Строительство различных по мощности нефтеперерабатывающих и нефтехимических заводов стало эффективным средством для противодействия «нефтяным» санкциям. Если в 2007–2008 г., то есть до введения международного режима санкций, но с санкциями, которые были введены США, доля сырой нефти в общей сумме экспорта составляла 86,5 %, то в 2020–2021 г. — снизилась более чем вдвое, до 42,2 %. При этом удельный вес нефтяной отрасли в валовом внутреннем продукте (ВВП) хотя и уменьшился, но незначительно — с 10 до 8,6 %, а в ненефтяном экспорте в 2018–2019 г. нефтепродукты занимали более 52 % (Баскаков, Крылов, 2023, с. 50–51).

Для расширения экспорта нефти и преодоления эмбарго в Иране созданы три консорциума, которые включают до 250 частных местных компаний. В апреле 2013 г. парламент ИРИ одобрил законопроект, разрешающий частному сектору продавать до 20 % от общего объема экспорта нефти страны, что составляет около 400 тыс.

²⁶ Умаров Т. Дружба за влияние. Как Россия и Китай уживаются в Центральной Азии. Вашингтон: Фонд Карнеги за международный мир*, 2024. URL: https://carnegie-production-assets.s3.amazonaws.com/static/files/Umarov_China%20Russia%20Central%20Asia-RU-2.pdf (дата обращения: 12.12.2024).

*Деятельность международной неправительственной организации «Фонд Карнеги за международный мир» признана нежелательной на территории Российской Федерации (*Прим. ред.*).

²⁷ Bahrami A. Shahkare diplomaciye enerzhiye dolate raeisi [Шедевр энергетической дипломатии правительства президента] // Tahririeh Studies Institute. 2023. (На персидском языке). URL: www.tahririeh.com/news/25793/ (accessed: 04.07.2024).

²³ Рассчитано В.И. Беловым.

²⁴ World Energy Review 2023 // Eni. URL: https://www.eni.com/assets/documents/eng/topic/global-energy-scenarios/world-energy-review/2023/WER_2023.pdf (accessed: 21.12.2023).

²⁵ Barname vazarate nafte dolate chahardahom (1403–1407) [Программа министерства нефти 14-го правительства (2024–2028)]. 2024. Р. 5. (На персидском языке). URL: <https://media.shana.ir/d/2024/08/15/0/439488.pdf?ts=1723733927000> (accessed: 04.06.2025).

баррелей в сутки. Согласно существующему соглашению между Министерством нефти Ирана и Союзом экспортеров нефти, нефтепродуктов и газа, союз должен искать рынки сбыта, которые не охвачены министерством²⁸.

В Иране работают 9 крупных государственных нефтехимических заводов — в Абадане, Исфахане, Бендер-Аббасе, Тегеране, Араке, Тебризе, Ширазе, Керманшахе и Лаване. Заводы производят газولين (33,9 %), мазут, бензин (27,8 %), керосин, сжиженный газ (2,1 %) и другую продукцию (3,2 %). По данным *National Iranian Oil Refining and Distribution Company (NIORDC)*, входящей в состав Министерства нефти Ирана, мощности крупнейших НПЗ составляют: в г. Абадан — 400 тыс. барр./сутки, в г. Бендер-Аббас — 340 тыс. барр./сутки, в г. Исфахан — 375 тыс. барр./сутки, в г. Тегеран — 250 тыс. барр./сутки, в г. Тебриз — 110 тыс. барр./сутки и в г. Арак — 250 тыс. барр./сутки²⁹.

Планируется увеличить выпуск нефтехимической продукции к 2026 г. до 133 млн т (что соответствует около 30 млрд долл. США в денежном эквиваленте), в том числе за счет увеличения производства этана на осваиваемых новых фазах месторождения «Южный Парс» и более активной переработки попутного газа. В планах Ирана – построить не менее 8 новых нефтеперерабатывающих заводов и нарастить мощности по переработке нефти с 2,2 млн до 3,5 млн барр./сутки, что позволит увеличить выпуск нефтехимической продукции с 90 до 100 млн т. Строительство и модернизация нефтехимических предприятий осуществляется в рамках программы «второго скачка» развития нефтехимии³⁰.

²⁸ Asali M. Karname dolate Rouhani dar diplomasiye enerzhiye naft [Эффективность администрации Рухани в нефтяной энергетической дипломатии] // *Darayan*. 2016. Р. 1–5. (На персидском языке). URL: <https://daraian.com/fa/govern/8570> (accessed: 30.06.2024).

²⁹ Экспорт нефти из Ирана // *Tadviser*. 2023. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Экспорт_нефти_из_Ирана?ysclid=lq25lxvmb426253617 (дата обращения: 21.12.2023).

³⁰ Нефтеперерабатывающие мощности Ирана вырастут на 50% за следующие 3–4 года // *Neftegaz.RU*.

Инвестиции в нефтегазовую отрасль

Себестоимость иранской нефти составляет 10–12,6 долл. США за баррель, а в ряде месторождений — ниже 1 долл. США за баррель. Главной помехой для привлечения инвестиций в нефтегазовую отрасль является содержащийся в конституционных постановлениях Исламской Республики Иран запрет для иностранных компаний на владение минеральными ресурсами страны. В энергетическом секторе иностранцы не могут владеть собственностью в какой бы то ни было форме, исключается также и возможность долевого раздела продукции. Процентное соотношение продукции, производимой с привлечением иностранного капитала, не должно превышать 25 % от общей продукции отрасли и 35 % — в каждой подотрасли³¹. Не разрешается создание предприятий со 100-процентным иностранным капиталом. Только с 1995 г. зарубежным фирмам предоставлено право заключать сервисные контракты, получившие название «бай-бэк» (*buy-back*). Условия *BOT* (*build — operate — transfer*) предполагают постепенную передачу объекта в собственность иранского заказчика по мере возмещения затрат инвестора. С 2016 г. введен «новый нефтяной контракт», предоставляющий больше льгот на добычу и участие в реализации продукции для иностранных инвесторов. Тем не менее и на этих условиях иностранные компании работают в нефтегазовом секторе Ирана (*Keshavarz, Iranmanesh & Dehghan*, 2021).

4 октября 2017 г. ООО «ЛУКОЙЛ-Инжиниринг» (Россия) и Национальная иранская нефтяная компания подписали Меморандум о взаимопонимании³². В соответствии

17.09.2021. URL: <https://neftegaz.ru/news/neftechim/697369-neftepererabatyvayushchie-moshchnosti-irana-vyrastut-na-50-za-sleduyushchie-3-4-goda/?ysclid=lq2eim13nk817677930> (дата обращения: 04.06.2025).

³¹ Иран // *Mineral.ru*. URL: <https://www.mineral.ru/Facts/world/116/140/index.html> (дата обращения: 06.06.2025).

³² ЛУКОЙЛ и национальная иранская нефтяная компания подписали меморандум о взаимопонимании // ЛУКОЙЛ. 04.10.2017. URL: <https://lukoil.ru/api/presscenter/exportpressrelease?id=155990> (дата обращения: 06.06.2025).

с документом стороны выразили заинтересованность в расширении взаимовыгодного сотрудничества в целях бассейнового моделирования и анализа нефтегазоносных систем северо-западной части Персидского залива, плато Абадан и Южно-Каспийского бассейна (Эбрахимиторкаман, 2022, с. 129).

В 2019–2020 гг. геологическая компания «ОЗГЕО» разработала два нефтяных проекта на территории Ирана. Первый проект — обнаружение нефтяных месторождений в прибрежной юго-западной части Каспийского нефтегазового бассейна (НГБ). Цель — выявление неглубоких месторождений нефти вблизи железной дороги Решт — Астара в рамках международного транспортного коридора (МТК) «Север — Юг». Второй проект — обнаружение нефтяных месторождений в пределах полностью неизученного Макранского НГБ на юго-востоке Ирана в прибрежной части Оманского залива, в рамках МТК «Север — Юг». Однако проекты так и не были реализованы из-за отсутствия инвестиций³³.

В 2022 г. российская компания «Газпром» и НИНК подписали меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству между компаниями. Проекты оцениваются в 40 млрд долл. США и включают в себя разработку газовых месторождений Киш и Северный Парс, а также участие российской стороны в эксплуатации месторождения Южный Парс. Рассматривается возможность сотрудничества в рамках строительства экспортных газопроводов³⁴.

Заключение

В проводимой руководством Исламской Республики Иран политике индустриализации страны одно из ведущих мест занимает развитие нефтегазовой отрасли. Разведанные запасы

позволяют при современном уровне добычи извлекать нефть еще 95 лет. Принципиальным является развитие поставок нефти на зарубежные рынки, что обеспечивает 40–50 % валютных поступлений в бюджет страны. Строительство 8 новых нефтеперерабатывающих заводов даст возможность на основе переработки нефтяного сырья получать дополнительную прибыль за счет продажи продуктов переработки нефти.

В этом плане Иран крайне заинтересован в развитии транспортных коридоров для сбыта своей продукции. Международный транспортный коридор «Север — Юг», например, интересен для Ирана поставками нефти в Пакистан и Индию. При этом могут поставляться и другие полезные ископаемые, добываемые из месторождений вблизи коридора.

По оценкам российских экспертов, технологическое перевооружение нефтяной промышленности позволит обеспечить нефтеотдачу месторождений более 35 % и обеспечить огромный прирост запасов за счет доразведки более глубоких горизонтов, что увеличит экспорт нефти и нефтепродуктов, снизит остроту экономического кризиса, вызванного эмбарго и санкциями, и придаст мощный импульс экономическому развитию страны³⁵.

В перспективе снятие эмбарго на экспорт иранского газа окажет мощное позитивное воздействие на развитие нефтегазовой отрасли Ирана, поскольку именно стабильные поставки газа в Индию и Пакистан (не считая Китай и Республику Корея) обеспечат значительный объем валютной выручки для Ирана. Иран может отказаться от использования евро в торговле нефтью и газом. После введения нефтяного эмбарго в отношении Ирана страна стала принимать оплату за поставляемую нефть в национальной валюте страны-импортера, например в индийских рупиях и китайском юане. В торговле с соседями Иран намерен использовать либо валюту этих стран, либо свой риал.

³³ Пичугин С.В. Нефтегазовый сектор Ирана : доклад Геологоразведочной компании «ОЗГЕО». [Б.м.], 2023.

³⁴ Жильцов С. Особенности сотрудничества России с Ираном в энергетической сфере // Независимая газета. 07.11.2022. URL: https://www.ng.ru/energy/2022-11-07/14_8583_cooperation.html (дата обращения: 20.06.2025).

³⁵ Пичугин С.В. Нефтегазовый сектор Ирана : доклад Геологоразведочной компании «ОЗГЕО». [Б.м.], 2023.

Иран видит выход из создавшейся непростой ситуации в том числе в развитии сотрудничества в рамках международного объединения БРИКС, полноправным участником которого страна стала в 2024 г. Развитие сотрудничества в рамках БРИКС интересно Ирану технологическими инвестициями и международным партнерством, особенно с Россией, и может стать импульсом для развития как транспортных потоков по МТК «Север — Юг», так и для вовлечения в них сырья нефтегазовых и других месторождений в пределах транзитного коридора на территории Ирана.

Реализуя комплексный подход в стратегии развития нефтегазового сектора Ирана, выступающего в качестве ключевого элемента построения «экономики сопротивления», руководство ИРИ решает главную проблему

диверсификации иранской экономики. Энергетическая дипломатия ИРИ при этом нацелена на выстраивание перспективных международных партнерств и технологические инвестиции, что должно обеспечить Ирану позиционирование в качестве одного из лидеров глобальных инновационных энергетических решений. Развитие стратегического диалога между Ираном и Россией, в том числе и в нефтегазовом секторе, усиливает их суверенные позиции и указывает на сдвиг в сторону создания многополярного энергетического мира. Этот шаг также может стать катализатором реконфигурации глобальных альянсов и энергетической политики, что будет иметь далеко идущие последствия для глобальной энергетической безопасности и геополитики.

Поступила в редакцию / Received: 26.08.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 15.05.2025

Принята к публикации / Accepted: 10.06.2025

Список литературы

- Баскаков И. Д., Крылов Д. С. Энергетическая дипломатия Ирана в нефтегазовой отрасли в субрегионе Персидского залива // *Геоэкономика энергетики*. 2023. Т. 22, № 2. С. 40–59. https://doi.org/10.48137/26870703_2023_22_2_40; EDN: BLYDDO
- Белов В. И. Мегарегионализация и энергетическая дипломатия Ирана // *Восточная аналитика*. 2024. Т. 15, № 4. С. 75–90. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-075-090>; EDN: DOZBXE
- Лунев С. И., Юртаев В. И. Место Индии и Ирана в новом региональном порядке в Евразии. Москва : МГИМО-Университет, 2022. EDN: YGXFQS
- Мамедова Н. М. Иран в 2022 году. Итоги первого года работы правительства Э. Раиси // *Свободная мысль*. 2023. № 2. С. 139–150. EDN: BZPOYC
- Мостаджеран Г. М., Габдуллин Р. Р., Роженко А. С. Исламская Республика Иран в контексте эффективного осуществления энергетической дипломатии // *Россия и современный мир*. 2023. № 3. С. 226–241. <https://doi.org/10.31249/rsm/2023.03.14>; EDN: FHRCVG
- Полищук А. И. О перспективах развития ИРИ до 2025 г. и общих направлениях политики 4-го пятилетнего плана социально-экономического и культурного развития ИРИ // *Роль и место Ирана в регионе* / отв. ред. Н. М. Мамедова. Москва : ИВ РАН, 2007. С. 178–189.
- Эбрахимиторкаман А. Российско-иранские отношения в энергетической сфере (вызовы и возможности в XXI в.) // *Россия и современный мир*. 2022. № 1. С. 124–134. <https://doi.org/10.31249/rsm/2022.01.07>; EDN: KUBYHU
- Эбрахимиторкаман А. Эволюция энергетического сотрудничества между Исламской Республикой Иран и Российской Федерацией в 2000–2023 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2024.
- Юртаев В. И. Внешнеполитические и экономические приоритеты Ирана на этапе формирования «экономики сопротивления» // *Иран в мировой политике. XXI век* / отв. ред. Н. М. Мамедова. Москва : ИВ РАН, 2017. С. 223–231.
- Юртаев В. И. Иран: перспективные сценарии региональной интеграции // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2009. № 3. С. 5–13. EDN: LAMJUH
- Abbaszadeh P., Maleki A., Alipour M., Maman Y. K. Iran's Oil Development Scenarios by 2025 // *Energy Policy*. 2013. Vol. 56. P. 612–622. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2013.01.026>

- Ajili H., Askari Vajedi Roshan S.* Barresiye diplomaciye enerzhiye jomhuriye eslamiye Iran: doran riyasat jomhuriye aghayan Khatami va Ahmadinejad [Расследование энергетической дипломатии Исламской Республики Иран: президентство г-на Хатами и г-на Ахмадинежада] // *The Journal of Foreign Policy*. 2014. Vol. 28, iss. 1. P. 99–125. (На персидском языке). URL: https://fp.ipisjournals.ir/article_13621_45ad26b47b98be44eb9b4dacc4c8979.pdf?lang=en (accessed: 10.12.2024).
- Ashrafi Y., Rouhani M.* Avamele moaser dar behine nemudane diplomasiye enerzhi ba rouykarde defae eghtesadi [Эффективные факторы оптимизации энергетической дипломатии с учетом подхода экономической защиты] // *Journal of Defense Economics and Sustainable Development*. 2021. Vol. 6, iss. 20. P. 123–146. (На персидском языке). URL: https://eghtesad.sndu.ac.ir/article_1622_4038fcec14c696131f4111f09d6f7479c.pdf?lang=en (accessed: 13.12.2024).
- Belov V. I., Ranjbar D. M.* Analysis of Iran's Behavior under Sanction Pressure // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2023. № 2. С. 111–122. EDN: LUQKII
- Ghanbari L.* Diplomasiye enerzhi va toseye eghtesadi [Энергетическая дипломатия и экономическое развитие] // *The Journal of Foreign Policy*. 2018. Vol. 31, iss. 4. P. 181–208. (На персидском языке). URL: https://fp.ipisjournals.ir/article_30693_3fcfc493db29c026250b895e0f440227.pdf?lang=en (accessed: 10.12.2024).
- Ghanbarloo A.* Tahlile rabete tahrir haye eghtesadi yekjanebe ba hogughe beynolmelale moaser [Анализ соотношения односторонних экономических санкций с современным международным правом] // *Strategic Studies Quarterly*. 2022. Vol. 25, no. 2. P. 301–330. (На персидском языке). URL: https://quarterly.risstudies.org/article_153638_bdddfb251742c2cfde96e3060b9efab5.pdf?lang=en (accessed: 10.12.2024).
- Hafner M., Raimondi P. P., Bonometti B.* The Energy Sector and Energy Geopolitics in the MENA Region at a Crossroad : Perspectives on Development in the Middle East and North Africa (MENA) Region. Cham, Switzerland : Springer, 2023. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-30705-8>
- Hossein Adeli S. M.* The Contribution of Energy Diplomacy to International Security; with Special Emphasis on Iran // *Iranian Review of Foreign Affairs*. 2010. Vol. 1, no. 2. P. 57–95. URL: https://ciaotest.cc.columbia.edu/journals/irfa/v1i2/f_0021944_18127.pdf (accessed: 01.11.2024).
- Islami M.* Diplomasiye enerzhiye Iran va Russiye: zamine haye hamgaraei va vagaraei [Энергетическая дипломатия Ирана и России: области сближения и расхождения] // *A Quarterly Journal of Strategy*. 2012. Vol. 21, iss. 3. P. 189–220. (На персидском языке). URL: https://rahbord.csr.ir/article_124453_7b6af50e37de0da074d6e1b190e5d4ca.pdf?lang=en (accessed: 01.11.2024).
- Karimipoor D.* Diplomasiye enerzhiye ejbaramize Tramp dar ghebale jomhuri eslamiye Iran [Принудительная энергетическая дипломатия Трампа в отношении Исламской Республики Иран] // *Journal of Political Knowledge*. 2021. Vol. 17, no. 2. P. 569–596. (На персидском языке). <https://doi.org/10.30497/pkn.2021.239025.2709>
- Karimipoor D.* Rahyaft manatagheiyeh diplomaciye enerzhiye jomhuriye eslamiye Iran dar dolate sizdahom [Региональный подход к энергетической дипломатии Исламской Республики Иран в 13-м правительстве: сравнительный обзор] // *Strategic Studies of Public Policy*. 2022. Vol. 12, iss. 44. P. 40–66. (На персидском языке). <https://doi.org/10.22034/sspp.2022.699880>
- Keshavarz M., Iranmanesh H., Dehghan D.* Modelling the Iranian Petroleum Contract Fiscal Regime Using Bargaining Game Theory to Guide Contract Negotiators // *Petroleum Science*. 2021. Vol. 18, iss. 6. P. 1887–1898. <https://doi.org/10.1016/j.petsci.2021.09.018>
- Kipoor J., Izadi J.* Diplomasiye enerzhi va lozume estefade az an baraye tamine manafe meli Iran dar jahan [Энергетическая дипломатия и необходимость ее использования для обеспечения национальных интересов Ирана в мире] // *A Quarterly Journal of Foreign Relations*. 2010. Vol. 1, no. 4. P. 139–162. (На персидском языке). URL: https://frqjournal.csr.ir/article_123512_9758d456aebab2350b2584a8c876cd67.pdf?lang=en (accessed: 01.11.2024).
- Mehdipour A.* Barresiye abaad ba payamadhaye rahbord moghavemat dar andishe ayatollah Khamenei [Исследование измерений и последствий стратегии сопротивления в мышлении аятоллы Хаменеи] // *Political Sociology of the Islamic World*. 2020. Vol. 8, iss. 17. P. 1–30. (На персидском языке). <https://doi.org/10.22070/iws.2021.4594.1806>
- Naserpoor A., Fazlolahtabar M.* Eraee olguye diplomasiye nafti Iran be manzure kahesh asib paziri az tahrir haye nafti [Представление модели нефтяной дипломатии Ирана для снижения уязвимости нефтяных санкций] // *Journal of Defense Economics and Sustainable Development*. 2021. Vol. 6, iss. 21. P. 61–88. (На персидском языке). URL: https://eghtesad.sndu.ac.ir/article_1863_cec7c8e083d2bb1ef2cf36a470d9a238.pdf?lang=en (accessed: 10.12.2024).

- Purahmady H., Zulfiqari M.* Diplomasiye enerzhi va manafe meliye jomhuriye eslamiye Iran [Энергетическая дипломатия и национальные интересы Исламской Республики Иран] // *Journal of Political Knowledge*. 2010. Vol. 5, iss. 2. P. 5–40. (На персидском языке). <https://doi.org/10.30497/pk.2010.15>
- Razavi S. A.* Tabiein chalesh ha va forsat haye diplomasiye enerzhi az manzare bayaniye game dovome enghelabe eslami [Объяснение проблем и возможностей энергетической дипломатии с точки зрения провозглашения второго шага Исламской революции] // *Political Sociology of Iran*. 2022. Vol. 5, iss. 1. P. 225–248. (На персидском языке). <https://doi.org/10.30510/psi.2022.304631.2302>
- Razavi S. A., Pirani S.* Tabiein elzamat va rahbord haye diplomasy va amniate enerzhiyejomhuriye eslamiye Iran dar barname haftom tosee [Разъяснение требований и стратегии дипломатии и энергетической безопасности Исламской Республики Иран в седьмом плане развития] // *International Relations Researches*. 2022. Vol. 12, iss. 1. P. 167–198. (На персидском языке). <https://doi.org/10.22034/irr.2022.337739.2175>
- Sadeghi A., Firoozabadi Dehghani S. J., Ajili H.* Bayestehaye diplomasiye enerzhiye Iran dar nezame eghtesadiye siyasiye beynolmelal [Требования энергетической дипломатии Ирана в международной политэкономической системе] // *Studies of International Relations Journal (Political Science and International Relations Journal)*. 2018. Vol. 11, iss. 43. P. 73–105. (На персидском языке). URL: <https://sid.ir/paper/247692/en> (accessed: 10.12.2024).
- Saeedi H.* Eghtesade siyasi hozure sepahe pasdaran dar sanate naft va gas Iran: yek tahlil enteghadi [Политическая экономика присутствия КСИР в нефтегазовой отрасли Ирана : критический анализ]. Tehran : Naghd Eghtesaad Siyaasi, 2020. (На персидском языке).

Сведения об авторах:

Белов Владимир Иванович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры востоковедения и африканистики, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10 к. 2; ORCID: 0000-0001-6112-5550; eLibrary SPIN-код 4552-2182; e-mail: yurtaev-vi@rudn.ru

Пичугин Сергей Валентинович — главный геолог, компания «ОЗГЕО»; Российская Федерация, 119002, г. Москва, Староконюшенный пер., 33; ORCID: 0009-0002-4756-3858; e-mail: svpichugin2103@mail.ru

Ранджбар Даниал Мешкин — кандидат исторических наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10 к. 2; ORCID: 0000-0002-1619-3383; eLibrary SPIN-код: 5294-1502; e-mail: randzhbar_meshkin_d@pfur.ru